

БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА

БУАЛО- НАРСЕЖАК

ЖИЗНЬ
ВДРЕБЕЗГИ

БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА

БУАЛО- НАРСЕЖАК

.....
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

COLLECTION DU ROMAN POLICIER FRANÇAIS

BOILEAU- NARCEJAC

.....

ŒUVRES COMPLETES

VOL.

6

.....

**LA VIE EN MIETTES
LE TRAIN BLEU S'ARRETE TREIZE FOIS...
MANIGANCES**

БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА

БУАЛО- НАРСЕЖАК

.....
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЖИЗНЬ ВДРЕБЕЗГИ

ТОМ

6

.....

ЖИЗНЬ ВДРЕБЕЗГИ

РОМАН

**ГОЛУБОЙ ЭКСПРЕСС
ДЕЛАЕТ 13 ОСТАНОВОК**

ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ

РАССКАЗЫ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Москва

1996

ББК 84.4 Фр
Б90

СЕРИЯ
«БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА»
ВЫПУСКАЕТСЯ С 1995 ГОДА

Составитель Л. Завьялова

Художник А. Вальдман

LA VIE EN MIETTES (1972)

© Editions Denoël

LE TRAIN BLEU S'ARRETE TREIZE FOIS... (1966)

© Editions Denoël

MANIGANCES (1971)

© Editions Denoël

Состав, перевод и художественное оформление
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

Издание на русском языке
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

ISBN 5-218-00085-X (Т. 6)
ISBN 5-218-00006-X

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Перевод с французского

А. Валетова

**БЮАЛО-
НАРСЕЖАК**
.....
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

MANIGANCES

(1971)

© Editions Denoël

— Иди, мой красавчик! — говорит Грегуар.

Он закрывает окно и представляет кота Мюжеру:

— Зулу Шедевиль... Вы знаете, что вам остается сделать?.. Как только Шедевиль и его горничная уйдут... А?

Мюжер в нерешительности.

— Ба! — тихим голосом говорит Грегуар. — Ну что для вас еще одно посещение?

Собака

Сесиль дошла до той степени, когда горечь превращается в муку. Уже забываешь, от чего страдаешь. Хочется только одного — сесть, лечь, уснуть... уснуть! Она даже не помнила, где оставила свою машину, и какое-то время пребывала в состоянии человека, который просыпается в незнакомом мире и силится вспомнить, кто он и что он. А потом она как-то встряхнулась, мысленно вернулась к реальности и внезапно решила, что все, что с ней произошло, может, и не так уж важно. В жизни каждой молодой пары, наверное, наступает такой момент, когда один видит другого таким, каков он есть. И что тогда — конец любви? Или же начало другой любви, знакомство с печалью и безропотностью? Останется ли Морис тем незнакомцем, которого она только что в нем рассмотрела? Это произошло в мгновение ока, как будто новый Морис подменил того прежнего, которого она так любила. С виду он оставался тем же самым мужчиной, но теперь она испытывала стыд, что когда-либо принадлежала ему. Прежде всего, он оказался грязнулей. И его манера зажимать зубами кисть, когда он писал картину! И напевать идиотские мотивчики. И эти рисунки! Человечки, которых ребятишки изображают на стенах: вместо головы — овал, вместо волос — четыре или пять вертикальных черточек, нитевидное тело. Он называл эти глупости идеограммами и говорил, что хорошая реклама, чтобы запомниться, должна шокировать. Так как он всегда находил объяснения, всегда оказывался прав, его мастерскую заполняли ужасные работы, которые расхваливали какое-нибудь мыло, карандаши или аперитив. Его последняя находка: нечто вроде бензоколонки, наполненной красной жидкостью. Шланг тянется по вытянутой руке какого-то карлика. Возле насоса

еще одно странное существо в фуражке с надписью: «Банк крови». Под карликом пояснительная надпись: «А мне налейте десять литров». Вот что он рассчитывал продавать! Она впервые разозлилась, и все ее упреки, вся горечь выплеснулись разом... Ее наследство, проглоченное за два года; долги всем торговцам; бессмысленное существование без будущего... И что-то щелкнуло: она увидела Мориса уже не глазами любящей женщины, а глазами доктора или, например, полицейского. Она прочитала на его лице ярость неудачника, который еще артачится, заметила желание ударить и страх, малодушие... И теперь она не осмеливалась возвращаться, потому что знала, что разразится, наверное, рыданиями при новой встрече с человеком, утратившим свою маску. Напрасно она лукавила: то, что с ней происходило, было ужасно. Если бы Морис заболел, она бы охотно работала. Материальные трудности не пугали ее. Но у нее даже этой возможности не осталось. Морис не позволил бы, чтобы она нашла работу. В его семье женщины не работали. Он забыл, что они были богаты!

Сесиль вытащила из своей сумочки ключи от машины. Еще один повод для ссор. Автомобиль купили благодаря дяде Жюльену, который сам предложил дать займы четыреста тысяч франков. Он согласился с тем, что Морис не мог таскать свои картины под мышкой. Она вышла замуж за обманщика — вот в чем правда! Племянник дяди Жюльена оказался обманщиком, устроившимся в жизни, полной обмана, который развлекался тем, что дурачил себя и других. Нет, так продолжаться не может. Сесиль захлопнула дверцу машины и отъехала в сторону. Никогда больше она не станет брать эту машину, которая им не принадлежит. Она будет ходить пешком. Привыкнет обходиться безо всего. Никогда не попросит пощады. Сирота и разведенная жена. А почему бы и нет?

Сесиль заметила, что забыла купить хлеба и зайти в бакалею. Тем хуже! Морис обойдется. Хватит с нее прислуживать ему. Она вырулила на небольшую улицу, где они жили, огибавшую Венсеннский лес, и тут же притормозила. Там, перед домом, стоял большущий автомобиль зеленого цвета, «бьюик» или «пontiак»... Она интуитивно угадала, прежде чем прочитала, номер департамента — 85. Номер Вандеи. Дядюшка! И она сразу

сделала вывод: он приехал за своими деньгами. Этого следовало ожидать! Морис мог сколько угодно рассказывать, что дядюшка Жюльен — самый лучший из людей; она же всегда знала, что когда-нибудь он заявит о долге. Надо быть Морисом, чтобы отказываться признать очевидное. Можно бы продать машину. Мало! Тогда останется найти еще более ста тысяч франков. Что этот человек подумает о ней? Так как Морис, наверное, скажет ему: «Это моя жена! Она никогда не умела справляться!»

Зеленый автомобиль тронулся с места. Сесиль едва не нажала на газ. Она должна догнать дядю, познакомиться, объяснить ему... Но машина уже умчалась, дядя был далеко, и Сесиль поставила автомобиль у тротуара. Она не торопилась подниматься наверх, сметать в кучу окурки, заниматься готовкой, слышать, как Морис с воодушевлением восклицает: «На этот раз дело в шляпе!» Одна она бы так хорошо жила! Она закрыла автомобиль на ключ, поскольку привыкла к порядку, и пошла по лестнице. Этот дом она тоже видела как бы впервые. Она воспринимала запахи, которых никогда не замечала. Она чувствовала глубокое отвращение и потерянность, подобно кому-то, кто внезапно утратил веру в себя.

Морис распевал. Он услышал, как закрылась дверь, и крикнул:

— Сесиль? Это ты?

Он выбежал в прихожую. В левой руке он держал галстуки, а в правой — пару сапог.

— Уезжаем, малышка Сесиль... Уходим... Ну вот, что с тобой?

— Это твой дядя был?

— Да.

— Он хочет получить свои деньги?

— Какие деньги?.. А! Да... Это не в счет, все это... старые дела... Пойдем, я тебе расскажу.

Он подтолкнул ее в комнату, служившую ему мастерской, в гущу своих рекламных граффити. На мольберте сох эскиз — творение утренних часов. Рисунок напоминал какую-то бутылку, но на самом деле изображал церковь. «Бо... Боже... Боженька... побывайте в Шартре...» Морис разразился хохотом.

— Жюльен, он нашел это потрясающим. А он в этом разбирается... Так вот!.. Он должен отправиться в поезд-

ку. Он не дал мне объяснений — это не в его стиле. Просто сказал мне, что нуждается в нас для присмотра за своим замком... Подожди, дай мне договорить... да, я знаю Агерезы, его старые слуги... Вот именно, они ушли от него... Знаешь, сколько ему лет?.. Семьдесят четыре... И ей столько же. Уже давно они собирались вернуться в Испанию. Ну вот, так и случилось. И поскольку у Жюльена не было времени искать кого-то еще, он и подумал о нас.

Сесиль никогда не видела его таким возбужденным. «Прямо ребенок какой-то», — подумала она.

— Когда нужно ехать? Он дал нам время на сборы?

Морис сбросил галстуки в уже битком набитый чемодан.

— Невозможно! Я рассказывал тебе, что у него собака, к которой он очень привязан. Он не может взять ее с собой. Этот несчастный пес помрет с голоду, если мы не позаботимся о нем! А он, похоже, здорово жрет!.. Подумай — немецкая овчарка! Но ты же их любишь, этих волкодавов, разве нет?.. Сесиль, ты не довольна?

— Не знаю, — сказала Сесиль. — Если бы мы не задолжали ему столько денег, может, и...

Морис встал перед ней на колени, обхватил ее руками.

— Все улажено, малыш, все-все. Жюльен аннулирует долг при условии, что мы отправимся немедленно. Все очень серьезно. Оставить этот замок со всем тем, что там находится внутри, без присмотра — просто нельзя. Сама подумай. Это на десятки и десятки миллионов, одна мебель чего стоит. И потом, в конце концов, это замок его жены. Если бы он принадлежал ему, то, я думаю, он бы наплевал на него, но семейство графини, то есть моей тетки, устроит скандал, если стащат хоть одну вилку!

Сесиль смотрела на это поднятое к ней лицо, на гладкий лоб, который не омрачит, наверное, никогда никакая забота, на горячие, поблескивающие глаза, в которых отражались две задумчивые Сесили. Она прикрыла их своими ладонями, невольно наклонилась и нежно прошептала:

— Да... Едем.

Тогда-то Морис и показал себя. Одежда, обувь, белье жены. («Оставь, оставь: это мужская работа!») втискива-

лись в чемоданы, которые моментально с силой закрывались, а он комментировал:

— Пятьсот верст. Сегодня уже приедем на место. Заметь, я не знаю тех мест... Это в сторону Леже, какая-то заброшенная дыра, в краю шуанов... Местные терпеть не могут Жюльена... Передай мне пуловеры... Графиня даже не посмела выходить замуж в своем районе. Их бы камнями забросали... Еще бы! Одна из Форланжей — древнейший род, крестовые походы... и потом, мой Жюльен такой, каким ты можешь его себе представить... Тебе надо бы приготовить сандвичи... Ну что ты на меня уставилась?.. Нет, оставь. Жюльен дал мне на поездку десять тысяч франков... Если проголодаемся, пообедаем где-нибудь по дороге.

Они поехали. Морис все время разговаривал, нервно смеялся, и Сесиль спрашивала себя, не выпили они ли с дядей Жюльеном. Не в правилах Мориса перемалывать одни и те же истории, которые она знала наизусть: романтическая встреча Мадлен де Форланж и Жюльена Меденака, безумная страсть графини, разрыв со своей семьей и — семь лет спустя — смерть Мадлен на Канарских островах от перитонита... Все это она знала. Для Мориса дядюшка Жюльен оставался каким-то богом. У нее создалось впечатление, что ее муж старается во всем ему подражать. Бедняга Морис! Как далеко ему до того Жюльена, ради которого женщина пожертвовала всем.

— Он сильно любил свою жену? — спросила она.

Морис, ошарашенный, посмотрел на нее.

— Кто?

— Твой дядя.

— Ты такие вопросы задаешь! Конечно, он ее сильно любил. Для того, чтобы такому мужчине, как он, приехать и заживо себя похоронить в этом вандейском замке, нужно испытывать глубокие чувства, тебе не кажется?

— Но он продолжал разъезжать?

— Ясное дело. Когда одиночество начинало слишком давить, он сматывался. Вполне естественно. Подумай, ведь он жил в обществе только своей прислуги!

— А ты что бы делал на его месте?

— Дурочка ты, малышка Сесиль. На его месте...

Морис, всматриваясь в дорогу, пожал плечами.

— Я бы очень хотел там оказаться, на его месте. — Он тут же продолжил: — Нет, не так. По сути, он не был счастлив... Этим утром он показался мне странным... как будто человек, с которого уже довольно этой бесцельной жизни. Даже не представляешь, как он постарел и похудел. Наверное, отъезд Агерезов нанес ему удар.

— Ему достаточно все продать и обосноваться в Канах или Италии. Там по крайней мере он сможет общаться с людьми.

— Продать что?.. Я тебе уже объяснил, что ему ничего не принадлежит. Он получает доход, что уже неплохо. Но замок остается у Форланжей. Нормально?

— О да!

— Он не может даже подсвечника продать.

— Если он уедет надолго, мы вынуждены будем там обосноваться? — спросила Сесиль.

— Это меня бы удивило. Он попутешествует недели две-три, а потом вернется. У него свои привычки. Он уже не такой молодой.

Морис на какое-то время замолчал, Сесиль думала. Три недели! А потом?.. Она понемногу тупела от автомобильной качки. Она попыталась вновь завести разговор.

— Если бы не собака, он бы нас не пригласил.

— С твоей стороны нехорошо так говорить, — возразил Морис. — Он славный мужик — Жюльен. Не будешь же ты упрекать его в том, что он любит свою собаку?

Сесиль больше не слушала его. Она поддалась глубокой усталости, которая, возможно, больше не оставит ее. «Нелюбовь, — подумала она. — Нелюбовь... Откуда появилось это странное слово?» Она задремала.

Проснувшись она от ощущения свежести. Морис вышел из машины и изучал карту при свете фар. Сесиль даже вскрикнула, когда захотела распрямиться. Спина напряглась и скрючилась, как лиана, и все суставы хрустели. Коснувшись ногами земли, она чуть не упала.

— Отлично, — сказал Морис. — Я подумывал, покажешься ты или нет. Ты знаешь, мы приехали. Или почти приехали... Вот уже двадцать минут, как я кручусь вокруг Леже и не найду дороги. Замок где-то здесь.

Он сложил карту. Как в театре теней, стала вырисовываться колокольня, а тишина стояла такая, что шаги раздавались на каменистой дороге, словно под сводами собора. Сесиль стало холодно, и, если бы не Морис, она бы испугалась. Она всегда жила в городе, ночные звуки которого ей нравились. Здесь же перед ней простирался какой-то иной мир, границы которого она пересекла во сне, и все ее привычные ориентиры исчезли. Она поспешила сесть обратно в автомобиль. Морис выехал на грунтовую дорогу, по которой его малолитражка покатилась, переваливаясь с боку на бок. Время от времени лесная поросль скребла по дверцам своими ветвями. Какой-то зверь отскочил в мягком потоке света, качавшемся перед машиной.

— Кто это?

— Кролик, наверное, — ответил Морис. — В этих местах полно дичи... Ты проголодалась?

— Нет. А ты?

— Я тем более.

Дорога стала подниматься вверх. Фары высветили густую листву позади стены, над ней сверкали куски стекла.

— Парк, — сказал Морис. Медленно проплывала стена, черного маслянистого цвета, увитая плющом. Дорога терялась под ковром опавших листьев.

В тени листвы, медленно колышущейся, словно клубы дыма, мерцали большущие звезды. Сесиль молчала, продрогнув до костей. А стена все тянулась, увенчанная искорками и как бы опоясанная электрическими огнями. Морис, похоже, испытывал то же ощущение, что и Сесиль, так как проговорил:

— Бедный Жюльен! Должно быть, не часто он здесь веселился!

Дорога вильнула в сторону, и появилась решетка ворот, монументальная, с украшениями, не совсем уместная в чаще лесов и зарослей. Морис затормозил и вытащил из «бардачка» тяжелую, словно гиря, связку ключей.

— Боюсь, это надолго! — пошутил он.

Но он сразу же нашел нужный ключ и, потянув изо всех сил, открыл железные ворота. Автомобиль въехал на аллею, и фары высветили в глубине безжизненный фасад замка.

— Неплохо! — сказал Морис. — Действительно, неплохо... Слишком симметрично... Еще чуть-чуть — и напоминало бы казармы... Проснись, графиня. Вот ты и в своих владениях!

Он закрыл решетку ворот и вновь занял свое место за рулем. Сесиль показала на низкое здание слева.

— Что это такое?

— Судя по дядиному наброску, — объяснил Морис, — это старинные конюшни; Агерезы жили там, видишь, с краю... та часть, перестроенная под флигель... Остальное не знаю... Какие-то подсобные помещения, гаражи...

Неожиданно они услышали лай собаки, и Сесиль вздрогнула. Она яростно лаяла где-то со стороны замка.

— Она заперта, — сказал Морис. — Жюльен уверял меня, что она не злая.

Собака рычала, раскатисто лаяла, потом визгливо и жалобно отрывисто тявкала и снова угрожала свирепым рыком, переходящим в хрипоту.

— Мне как-то беспокойно, — сказала Сесиль. — Ты знаешь ее кличку?

— Да. Шарик... Знаешь воздушные шарики? Она, кажется, может брать препятствия выше двух метров... представляешь?

Они оставили машину у крыльца и направились к псарне. Это была пристройка справа от замка, куда ставили тачки и складывали поливальные шланги. Собака смотрела, как они подходили, стоя за окошком с запыленными стеклами. Их поверхность запотела от собачьего дыхания, а ее глаза блестели, как у дикого зверя. Сесиль остановилась.

— Мне страшно, — выговорила она. — Можно подумать, оборотень.

— Да ты с ума сошла! Славный волкодав, который напуган пуще тебя.

Собака зарычала, потом они услышали, как она громко дышала под самой дверью, скребла землю когтями.

— Ее все-таки надо выпустить, — сказал Морис. — Существует верный способ: дать ей поесть. Она и успокоится. Подожди меня здесь... Поговори с ней... Сейчас попытаюсь найти что-нибудь.

Он побежал к замку. Собака за дверью ходила кругами и очень часто дышала, как если бы хотела пить. Когда Сесиль положила ладонь на щеколду, пес тихонько

заскулил. Потом гортанным, до странности человеческим голосом он выразил нечто неясное, но столь трогательное, что Сесиль больше не колебалась. Она чуть-чуть приоткрыла дверь. Пес просунул в отверстие свою длинную мокрую морду и широким взмахом языка лизнул ладонь Сесиль. Воспользовавшись ее оторопелостью, он покрутил головой, чтобы расширить проем, и Сесиль увидела, как во двор устремилась большая волчья тень, которая стала бесшумно крутиться вокруг нее.

— Шарик!

Голова приблизилась, и внезапно лапа, твердая, как палка, с силой опустилась на плечо Сесиль. Красные глаза собаки были на уровне глаз молодой женщины. Она почувствовала на своем лице горячее дыхание и получила удар языком поперек носа вроде влажной теплой пощечины.

— Шарик... Зверюга ты моя... Сидеть.

Собака послушалась, и Сесиль присела возле нее на корточки, чтобы погладить ее по голове.

— Хорошая собака, — прошептала она. — Ты меня напугала, правда-правда... Прямо на ногах не стою... Почему у тебя такой сердитый вид, Шарик?

Собачьи глаза вращались под пальцами Сесиль; между ушами у нее была полоска мягкой шерсти, которая двигалась из стороны в сторону, а ласка ей настолько понравилась, что она поднимала свою мощную голову, прикрывая наполовину веки.

— Хозяин тебя бросил, — продолжала Сесиль. — Ты тем более несчастная... Но ты же видишь, я тебя очень люблю.

Пес улегся, успокоенный, доверчивый, одно ухо поднято, чтобы ничего не упустить из загадочной речи Сесиль.

— Ты красивый пес... красивый маленький Шарик... Ты пойдешь со мной гулять, а?.. Завтра.

— Иду! — крикнул с крыльца Морис.

Пес моментально вскочил, рыча. Сесиль вцепилась обеими руками ему в ошейник.

— Тихо... Тихо...

Она надавила на спину животного, чтобы усадить его, но Шарик стоял как вкопанный.

— Иди вперед не спеши! — крикнула она в свою очередь. — Пусть он еду увидит. Он тебя не знает.

— Ну и народ! — воскликнул Морис. — А тебя, тебя он знает?

— Мы — это другое дело... поставь миску там... отойди!

Сесиль ощущала мускулы, напрягшиеся под взмокшей шкурой, какой-то дикий порыв, который все не мог улечься. Она тихонько провела растопыренными пальцами по впалым бокам, жесткой спине, подрагивающей от азарта груди.

— Здесь... Здесь... Он сейчас будет есть, наш красивый Шарик... Он голодный.

— Все, что и требовалось, — сказал Морис. — Идем! Оставь его жрать и иди ложиться спать.

— Замолчи.

— Если захочу, замолчу. Ничего себе манеры!

— Ты ему не нравишься.

— А ты, ты ему нравишься! Совсем спятила бедная девочка. Ладно, влюбленные, спокойной ночи... Я так иду бай-бай. Совершенно вымотался.

Он закурил сигарету, выпустил дым в сторону собаки и удалился.

— Видишь, какой он? — прошептала Сесиль. — Чуть что, сразу сердится... Он два дня на меня дуться будет... Ешь, Шарик.

Сидя на корточках, она смотрела, как волкодав поглощал еду. Сна больше не было. Рядом с собакой она уже не боялась. От открытой двери замка до самого низа крыльца разворачивался коврик света. Окна освещались одно за другим по мере того, как Морис обследовал жилище. У Сесиль не было желания шевелиться. Время от времени пес бросал быстрый взгляд, убеждался, что она по-прежнему с ним, затем возвращался к своей миске. Когда он закончил, то зевнул, потом подошел и обнюхал ладони Сесиль.

— Нет, у меня ничего больше нет, — сказала Сесиль. — Завтра я приготовлю тебе что-нибудь вкусненькое, увидишь, что-нибудь особенное.

Она встала и вошла в пристройку, куда проследовала за ней и собака.

— Спи спокойно, маленький мой Шарик.

Она встала на колени, прижалась щекой к шее животного. Она беспричинно растрогалась. Ей показалось, что она нужна собаке.

— Ты будешь вести себя тихо. Это понятно? Чтобы не слышала тебя!

Она бесшумно закрыла дверь. Но сразу же заметила ее, стоящую за стеклом, скребущую лапой по оконному переплету. Она помахала ей рукой, как человеку. Больше она не жалела, что поехала вместе с Морисом.

Замок открывался перед Сесиль, весь освещенный и молчаливый, внушительный, таинственный и торжественный. Она смущенно продвигалась вперед мелкими шагами, словно в музее, прижимая руки к груди, когда замечала свой силуэт отраженным в каком-нибудь затерявшемся зеркале. Она проходила через гостиные залы с богато расписанными потолками, с дорогими люстрами. Старый паркет поскрипывал впереди нее, как будто какой-то невидимый хозяин шел, опережая ее, из комнаты в комнату, поджидал возле двустворчатых дверей, чтобы явить ей новое убранство, о котором она, находясь в полном восхищении, сохранила лишь смутное воспоминание. Она никогда не смогла бы здесь жить. Она начинала понимать, почему дядя Жюльен так часто отсутствовал. Повсюду прошлое брало верх над жизнью. Слишком много портретов, бесценной мебели, слишком много истории. Невозможно себе представить, чтобы сесть здесь и просто побеседовать. Единственное, что можно себе позволить, так это пройтись на цыпочках. Огромная лестница, украшенная трофеями, головами лосей, с как будто живыми глазами, величественно вела на этажи. На лестничной площадке второго этажа появился Морис, рукава рубашки засучены.

— Ну что, решилась?

Он закурил длинную пеньковую трубку. Сесиль ненавидела его.

— Могла бы погасить свет за собой.

Сесиль не посмела сказать, что ей бы на это духу не хватило. Морис показал ей их спальню в самом конце длинного коридора и спустился затворить двери. Когда он вернулся, Сесиль перед окном созерцала ночной пейзаж.

— Нравится? — спросил он. — Признайся, что ради этого стоило приехать. Завтра рассмотрим поподробнее.

— А что это вон там? — спросила Сесиль.

Морис приблизился.

— Нет, это не пруд, — пояснил он. — Это Булонь, маленькая речушка, которая течет у подножия замка. Эта сторона выходит в парк. Похоже, вид великолепный. А все же бестия этот Жюльен, жалеть его нечего. Но за кровать я его отругаю. Можно с таким же успехом спать на скамейке в сквере.

Напевая, он разделся.

— Можешь укладываться, — тихо произнесла Сесиль.

Морис тотчас же уснул. Прежде чем лечь спать, Сесиль закрыла дверь на ключ, прислушалась. Замок, отданный на откуп ночи, начал странный монолог, состоящий из шелеста, вздохов, поскрипываний, похлопываний. Она тихонько прилегла возле мужа и оставалась напряженной, начеку. К счастью, есть собака. Она залаяла бы, если бы случилось что-нибудь необычное. У Сесиль объявился союзник. Против чего? Против кого? Абсурд какой-то. Она сомкнула глаза и сразу же их снова открыла. С открытыми глазами она чувствовала себя в большей безопасности. В спальне держался запах увядших цветов. Она попыталась определить, откуда он шел, бросила это занятие и каким-то таинственным ходом мысли вернулась к своим мукам. Эпизод с замком забудется, и надо будет возвращаться, надо научиться не бояться Мориса. Он спал, преспокойно дышал, без забот, без проблем. Он вечно отсутствовал, окопавшись в своем эгоизме. Он оставался с краю... всегда с краю. С чудовищной прозорливостью, характерной для бессонницы, Сесиль проникала в суть их разлада, видела свои собственные недочеты: вправе ли она желать, чтобы Морис стал простым продолжением ее самой, безоглядно любил ее... как... как Шарик, например? Разве в этом подлинная любовь? Ее нога натолкнулась на ногу мужа, и она поспешно отдернула ее. Слезы омочили ее лицо. Хорошо плакать в темноте рядом с мужчиной, погруженным в бессознательное состояние. Покуда тела могут касаться друг друга, соединяться воедино, может быть, не все потеряно? Что все портит, так это рефлексия. Жить как животине! Никогда не мучить себя этими «почему»!.. Слова медленно путались в голове Сесиль... Она шла по лугу вдоль берега реки, воды которой устремлялись каскадами вперед по валунам. Водопад производил шум, похожий на сильный ветер. Нервный толчок разбудил Сесиль. Что она услышала? Нет, это уже не сон. Гудение мотора.

— Морис!

— Да.

— Ты не спишь?

Гудение приближалось. Нет, это не машина, проезжающая по дороге мимо замка. Это машина, ехавшая по парадному двору.

— Не бойся, — сказал Морис.

Он зажег свет, посмотрел на свои часы на столике у изголовья.

— Половина третьего... Думаю, Жюльен забыл что-нибудь.

— Это невозможно! — сказала Сесиль.

— О! Ты знаешь, с ним... Пойду посмотрю.

— Морис! Не оставляй меня.

Она поднялась одновременно с ним и первой открыла дверь. Они оба побежали в конец коридора, где большое окно выходило во двор. Перед флигелем Агerezов разъезжал автомобиль.

— А если это не он? — прошептала Сесиль.

— То ты услышала бы собаку?

Автомобиль заехал за флигель, и его фары потухли.

— У него полное право вернуться к себе, когда ему вздумается, — продолжил Морис. — Может быть, он изменил решение. Во всяком случае, утром выяснится... Морозит здесь... Ты идешь?

Они вернулись обратно в свою спальню. Но Сесиль не могла снова заснуть. Если бы дядя Жюльен что-нибудь забыл, то зашел бы в замок, стал бы шуметь. А тут все было тихо. И если бы он опять уехал, то снова бы слышали мотор. Или он лег спать во флигеле?.. Что-бы их не беспокоить?.. Теперь Сесиль упрекала себя, что так просто приняла его приглашение. Для дяди Жюльена, который даже не был с ней знаком, она до настоящего времени оставалась чужой. Завтра он сочтет ее посторонней. По вине Мориса, который никогда не мучился из-за двусмысленных ситуаций. Она скажет ему — дяде Жюльену... она все ему расскажет... Он, который так и не смог смириться со смертью своей жены, он поймет.

Наконец наступил день. Морис просыпался раздражающе медленно. Поскольку он умирал с голоду, то потерял час, приготовляя огромный и плотный завтрак. Сесиль больше этого не выдержала.

— Я хотела бы, чтобы ты пошел за твоим дядей, — сказала она. — Чтобы представил меня ему. Нельзя же все-таки садиться за стол без него!

Морис рассердился:

— Послушай, малышка Сесиль, Жюльен же годами живет один. Он привык, что его никто не беспокоит, главное, не задают вопросов. Трудно, что ли, уяснить себе это?.. Никаких вопросов!.. Он приходит, он уходит, он свободен. Никто к нему не пристаёт. Так что давай не начинай.

Поели они, не глядя друг на друга. Потом Морис закурил свою трубку, а Сесиль приготовила собачью похлебку. Опять Морис начал спорить, причем в течение двух лет под различными предложениями продолжался все тот же затянувшийся спор.

— Могу поклясться, что он уже уехал. Он сменил машину. Он всегда любил маленькие спортивные автомобили. Пока вернулись в спальню, он уже был далеко.

— Спортивный автомобиль, его же услышишь.

— Хорошо. Тогда он по-прежнему здесь. Согласен!.. Если он захочет нас увидеть, то знает, где мы находимся... Я спущусь в поселок за табаком и какой-нибудь газетой.

— И за хлебом, — бросила Сесиль. — Побольше хлеба. Кроме него, всего достаточно.

Она пошла выпустить собаку, пока Морис залезал в свою машину. При дневном свете она залюбовалась на большого волкодава с золотистыми глазами. Шерсть палевого цвета, на высоких лапах, мощного телосложения, с подтянутым животом гончей. Он бегал перед ней кругами, слегка подобранный, настораживая своей быстротой и проворностью.

— Шарик, сюда!

Она подняла руку на уровне плеча. Пес разбежался галопом, перепрыгнул через вытянутую руку, бесшумно приземлился и от удовольствия гавкнул.

— Ну, ты и чудище! — сказала Сесиль. — Иди сюда и замолчи. Не разбуди своего хозяина.

Она провела его на кухню. Пес поглощал свою еду, но как только Сесиль делала вид, что уходит, он прекращал есть. Она вынуждена была остаться возле него. Он прошел за ней в спальню и лег на пол, в то время как онаправляла постель.

— Значит, большая любовь? — прошептала Сесиль, лаская его.

Он покусывал ей запястье осторожно, как волчица-мать детенышей, и его клыки блестели как ножи. Сесиль почесала его, прошлась щеткой. Он издавал глубокие вздохи облегчения, на лету лизал заботливую руку. Он прыжком вскочил на лапы, когда Сесиль отодвинулась от него, и пошел возле ее ноги, твердо решив не покидать ее. Она спустилась во двор.

— Тихо, эй! Чтоб не слышала тебя!

Она издалека осмотрела флигель. Он представлял собой двухэтажный домик, все ставни которого были закрыты. Продолжением ему служило вытянутое низкое строение. Сесиль прошла позади зарослей бересклета и обнаружила другую сторону флигеля. Под навесом она узнала автомобиль дяди. Она отчасти была к этому готова. Тем не менее остановилась со смутной опаской.

— А он там? — спросила она собаку тихим голосом. — Ты-то должен это знать!

Она хотела бы постучаться в дверь, позвать. Может быть, дяде Жюльену стало плохо! Не говорил ли Морис, что у того был очень усталый вид? Флигель казался брошенным. Сесиль медленно направилась к машине. Она следила за закрытыми ставнями, чувствовала себя все более неуютно. Но кто бы мог за ней наблюдать? Она была одна с собакой, а та выглядела абсолютно спокойной. Она быстро заглянула через заднее стекло автомобиля. Никого. Только шляпа на водительском сиденье, старая нейлоновая шляпа, которые носят охотники. Сесиль бесшумно вернулась назад, еще раз внимательно осмотрела молчаливый фасад, потом улыбнулась, потому что собака, нагнув голову, старательно повторяла все ее движения.

— Глупая я, — сказала она. — Ну не идиотка ли? Всегда выдумываю невесть что!

Она проследовала вдоль старинных конюшен с закрытыми воротами. Эта часть здания была повреждена. Потехи ржавчины спускались от водосточков, пачкая стену. За конюшнями располагался каретный сарай, ворота которого были изъедены червями. Сесиль подняла щеколду и приоткрыла одну из створок. Там находилась старинная карета, обитая позеленевшей кожей — та ка-

рета, в которой когда-то ездила богатая вдова по воскресеньям в Леже к мессе. Кузов накренился на деформированных рессорах. Мелкая пыль покрывала откидной верх. Но медные фонари целы и сохранили красивую форму. Сесиль вошла и тогда заметила, что осталась одна. Она поискала глазами собаку. Та стояла позади, и ее поведение заинтриговало Сесиль. Голова опущена, шерсть на хребте топорщится, она описывала метрах в двадцати от каретного сарая полукруг столь правильной формы, что казалось, будто она удерживалась на расстоянии каким-то невидимым барьером.

— Ну что... — сказала Сесиль. — Что с тобой?.. Пойдем.

Пес заскулил и попятился назад. Охваченная каким-то подозрением, Сесиль пробралась в сарай и заглянула внутрь кареты. Естественно, ничего. Неожиданно рассвирепев, пес начал лаять самым раскатистым, самым диким голосом. Сесиль поспешно вышла. Если дядюшка здесь, то что он скажет? Пес ходил туда-сюда вдоль таинственной линии, которую не мог пересечь. Поджав хвост между лапами, с оскаленными клыками, он походил на само воплощение ужаса, и Сесиль опасно обернулась, словно ее преследовали.

— Шарик!.. Послушай... замолчи... Ты же видишь, что никого нет.

Но голос Сесиль дрожал. Она кинула взгляд на ставни флигеля.

— Тсс!.. Тихо.

Пес успокоился, как только Сесиль пересекла некоторую границу. Это было настолько любопытно, что когда молодая женщина вновь обрела хладнокровие, то решила сама во всем разобраться. Она сделала вид, что идет к каретному сараю. Пес попытался ее схватить и остановился как вкопанный, подогнув задние лапы. Он задрал голову вверх и издал длинный вой, от которого Сесиль пришла в ужас. Она поспешно повернула обратно.

— Здесь... Здесь... Тихо!

Что он увидел? Что он учуял? Уж не коляска ли его пугала?

Как глупо! Этой коляской не пользовались на протяжении десятилетий. А кроме повозки, в каретном сарае абсолютно пусто. Сесиль вернулась в замок. На этот

раз пес бежал перед нею, свободный от каких-либо страхов. «Он боится кареты, — повторяла про себя Сесиль, — или чего-то еще, что имеет к ней отношение». Но ей даже не удавалось сформулировать какую-нибудь подходящую версию. Она больше не чувствовала себя в безопасности под защитой пса, поскольку, несмотря на свою силу, тот поддавался какому-то необъяснимому воздействию. Ее ночные страхи возрождались. А что, если дядя Жюльен внезапно покинул замок потому, что эта весть, приведшая собаку в ужас, делала замок непригодным для проживания? Чем больше она рассуждала, тем сильнее ее преследовала мысль, что дядюшка точно уехал, оставив свой автомобиль. Он ударился в бег. Причины, которые он привел Морису, не более чем отговорки. Подлинную же и единственную причину он оставил про себя. И тут она неожиданно подумала, что и другие части этого владения, может быть, окажутся такими же подозрительными; возможно, что и где-то еще она встретится с «воздействием». Сесиль была отважной, хотя и впечатлительной. В первую очередь она заставила себя обежать с собакой все комнаты в замке. Сесиль открывала, быстро осматривала буфеты, серванты, старинные шпалеры... Собака смирно дожидалась ее. Она обнаружила комнату дяди Жюльена, комнату холостяка, полную беспорядка. На маленьком письменном столе валялись курительные трубки. Совершенно очевидно, что дядюшка уехал со всей поспешностью. Пес, сидя в коридоре, ожидал Сесиль и, когда встречал ее взгляд, вилял хвостом. Сесиль обшарила весь дом. Оставался парк. Она вышла через заднюю дверь, но двигаться дальше вперед не решилась. Деревья казались такими большими, их крона такой густой, а полумрак подлеска таким глубоким, что ее решительность поколебалась. Она вернулась назад и уселась на солнышке на ступеньке крыльца. Собака вытянулась рядом с ней, положив морду между лапами.

Когда Морис вернулся, то нашел ее на том же самом месте сидящей, словно нищенка, со следами испуга на лице.

— Что ты тут поделываешь?

— Уезжать надо, — проговорила она.

— Уезжать!.. Тогда как здесь нам так хорошо. Деревушка прелестна, ты увидишь... Люди — да, согласен, я

понимаю, что Жюльен сторонился их как чумы... Если бы ты видела, какие взгляды бросал булочник исподтишка!.. Что до тетеньки в табачной лавке, так та даже рта не раскрыла... Они, должно быть, видят во мне одного из Меденаков, какого-нибудь родственника «узурпатора»... Может быть, даже Агерезы их предупредили... Но у нас свои дела!..

— Уезжать надо, Морис.

— В конце концов, что с тобой происходит?

— Пойдем. Хочу тебе показать кое-что.

Она взяла его за руку и повлекла к каретному сараю. Собака семенила за ними. В двадцати метрах от строения Сесиль выпустила ладонь своего мужа.

— Хорошенько смотри.

Она пошла к широко распахнутым воротам. Пес, который шел около нее, резко остановился и оскалился, как будто собираясь встретиться с какой-то грозящей опасностью. Потом он отпрыгнул назад и стал долго лаять. Его челюсти клацали в пустоте. Шерсть на шее взмокла от пота. Сесиль вернулась к Морису.

— Видел? Ему страшно. Думаю, он нас на кусочки бы разорвал, захоти мы затащить его в этот гараж.

— Старая карета. Это все.

В свою очередь Морис сделал несколько шагов к воротам. Пес бушевал. Он крутился волчком, рычал, слюна текла от иступления.

— Не продолжай! — крикнула Сесиль. — Ты его с ума сведешь.

Морис развел руками.

— Не понимаю... Эта псина чокнулась.

— О нет! Он знает вещи, которых мы не знаем... И твой дядя тоже их знал... Поэтому-то он и уехал.

Морис, казалось, остолбенел.

— Мой дядя знал?..

Он разразился хохотом.

— Бедная Сесиль, тебя решительно нельзя оставить одну ни на час... Что ты еще себе втемяшила в голову? Уверяю тебя, что Жюльен — самый обычный человек. Усталый — это да. Страшно похудевший. Он чертовски постарел. Но за исключением этого...

— Тогда объясни.

— Что ты хочешь, чтобы я тебе объяснил? Когда у тебя такие нервы, это что, объяснимо?

Сесиль чуть было не ответила, что как раз это-то очень хорошо объяснимо. Она предпочла промолчать и отвела собаку в пристройку, которая служила ей конурой. У нее появилась мысль, которую она хотела перепроверить как можно скорее. Ей хотелось побыть одной, но не так-то легко удалось отправить Мориса.

— У меня не хватило времени до конца обследовать каретный сарай, — сказала она. — Может быть, если хорошенько поискать, мы бы и нашли то, чего боится Шарик... Я действительно чувствовала бы себя более спокойной.

Они искали, обошли несколько раз карету, дверцы которой, разбухшие от сырости, уже не открывались.

— Фонари красивые, — заметил Морис. — Если бы дядя мог, то отдал бы их нам. Так и вижу их в мастерской...

Сесиль рассматривала землю.

— Может, там люк какой-нибудь? — предположила она.

— И что бы это изменило?

— Не знаю. Может быть, кто-нибудь здесь спрятался.

— Собака бы его обнаружила, можешь быть уверена. Нет, это не то. Поверь мне. Не будем ломать себе голову. Когда Жюльен вернется, он объяснит нам загадку, при условии, что таковая существует.

— Допустим, — сказала Сесиль. — Однако мне бы очень хотелось, чтобы мы сходили в парк вместе с Шариком.

Они исследовали каждую тропинку, каждый куст. Пес, счастливый, бегал вокруг. Он совершенно забыл о своих страхах, и Сесиль, рядом с уверенным и переполненным планами Морисом, начинала втайне посмеиваться над собой. Однако с наступлением вечера хандра вновь нахлынула на нее. Напрасно она боролась, говорила себе, что оказалась жертвой собственного воображения, — все равно она вздрагивала при малейшем шуме. И она упрекала Мориса за его благодушие. Он ничего не чувствовал. Он не отдавал себе отчета в том, что что-то витало в воздухе... Какой-то душок... дурные пары... Она знала об этом значительно меньше, чем волкодав, но собственный страх не обманывал ее. Она провела жуткую ночь. Чистый свет сентябрьской луны при-

водил в движение тени и будоражил все вокруг. Она не сомневалась, что многие звери чувствовали то же самое. Иногда тень от какого-нибудь крыла скользила по занавескам, и странные крики раздавались в парке. Ближайший дом находился в двух километрах от замка.

Морис проснулся в восемь часов. Он зевнул, потянулся.

— Обалдеть, как можно здесь продрыхнуть. Мне этого не доставало в городе. А тебе?

— Уедем, Морис.

Она проговорила эти слова таким тихим голосом, что ему показалось, будто он плохо разобрал.

— Я сказала «уедем», — продолжила Сесиль. — Если ты хочешь, оставайся, я уеду.

— Эй, не начинай! — предупредил ее Морис. — Нам здесь очень хорошо. Я смогу поработать. Чего ты хочешь?

— Я, я здесь боюсь.

— Боишься? Из-за псины?.. Да я ее в бараний рог скручу, и не пикнет.

— Ты забываешь, что приехали мы из-за него.

Морис что-то буркнул и в раздражении встал. Наступил новый день. К полудню принялся лить дождь, затяжной косой дождь, живой шум которого наполнял двор чьим-то присутствием. Морис выдумал какой-то предлог и поехал в поселок на машине. Сесиль уселась на кухне, как старушка, вслушиваясь в тайную жизнь замка, мокнущего под ливнем. Странные мысли приходили на ум, и ей стало жалко затворника, дядю Жюльена. «Оригинал, — говорил Морис. — Может быть, немного тронутый». Она сама уже не очень-то хорошо знала, что реальность, а что нет. Если она выходила из кухни, то за ней как будто следили пустой холод гостиных, бессчетные невидящие глаза с портретов. К счастью, Шарик остался здесь, тихонько сопел, внимательный и полный обожания. Сесиль понимала, почему дядюшка не захотел оставить его одного. Ей начинал нравиться Жюльен, потому что тот любил этого грозного и вместе с тем нежного зверя. Но тогда дядя Жюльен не сбежал, как она думала еще накануне. Нет, конечно. Поскольку он взял на себя труд приехать в Париж и даже дать денег Морису. Почему же она представила себе, что... Есть ли связь между отъездом дяди и страхом со-

баки? Видимо, никакой связи... Она уже теперь не знала. Она смотрела на игру ветра и дождя. Иногда потоки воды, закрученные резким шквалом, принимали удивительные формы, напоминали какие-то силуэты. Словно призраки из тумана и брызг, они, танцуя, пересекали двор. Когда Морис вернулся, она с первого же взгляда увидела, что он выпил. Обед прошел печально. Время во второй половине дня едва тянулось. Морис не разомкнул рта. Сесиль свыклась с его капризным характером. Ночью сильный западный ветер очистил небо, и наутро вдруг распогодилось. У Мориса появилось желание поработать. Он устроился в большой гостиной среди маркизов и генералов. Сесиль с собакой отважилась выбраться на пределы владений, насобираала ежевики и на обратном пути проследовала по тропинке, бегущей позади флигеля. «Бьюик» по-прежнему стоял там. Ставни по-прежнему оставались закрытыми. Шарик перед каретным сараем пронесся стелющейся рысью в стороне, что означало по-прежнему все тот же панический страх. Сесиль ускорила шаги. Ее тихая радость улетучилась, но она не посмела побеспокоить Мориса, который напевал с угольным карандашом за ухом и бутылкой белого вина под рукой. Однако она не могла прогнать из своих мыслей этот флигель с закрытыми ставнями. Если уж на то пошло, то ей нечего вмешиваться. Это дело дяди и племянника. Она в замке лишь гостя. Она старалась отрезвиться от всего, чтобы отогнать от себя эту глухую тревогу, которая подтачивала ее наподобие лихорадки. «Я на отдыхе», — повторяла она про себя. Или же она действительно сообщала собаке:

— Нам двоим никто не нужен. Мы же счастливы вместе, не так ли?

Маленькие клубки пара вылетали из его пасти, Шарик начинал дышать чаще. Она целовала его, потом отворачивалась, когда ее глаза наполнялись слезами. Вскоре она запуталась в подсчете дней. Она уже больше не помнила, когда они приехали, настолько каждый последующий день походил на предыдущий. Она стала жить заторможенно, вроде животного. Она ощущала голод, страх, желание спать. А потом, как-то внезапно, желание уехать вновь взяло ее за живое. Она вновь накинулась на Мориса.

— Больше так продолжаться не может, — сказала она. — Если бы еще знать, когда твой дядя вернется!

Однако никаких вестей. Ни одной открытки. Тебе наплевать, конечно. А меня это молчание просто убивает. А уехал ли он?

— Что?

— Допустим, что он заболел... здесь... в тот вечер, когда он вернулся. С ним мог случиться сердечный приступ... может быть, он умер. Эта мысль преследует меня... Но ты, я тебя не понимаю... Лишь бы тебя не беспокоили... остальное пусть себе!..

Морис закурил трубку. Он впервые казался озабоченным.

— Ты считаешь? — сказал он. — Я об этом не подумал... Может, пойти посмотреть?

— Не может, а нужно.

Еще какое-то мгновение Морис не решался. Он действовал быстро только тогда, когда это ему было нужно. Наконец он встал.

— Ты идешь со мной?

— Конечно.

— Тогда запри собаку. Она надоела мне со своими выкрутасами.

Шарик спал под столом. Сесиль тихонько закрыла дверь. Они обошли флигель кругом.

— Войти невозможно, — констатировал Морис. — Все заперто. Придется ломать ставень.

Он открыл багажник «бьюика» и вооружился монтировкой. Сесиль, затаив дыхание, наблюдала за его движениями. На электрических проводах сидели ласточки. Они щебетали, перелетали с места на место, готовясь к большому отлету, и их крики, и неласковое солнце осеннего дня придавали сцене какой-то непереносимый накал. Морис выбрал ставень, который неплотно прилегал, и с силой надавил. Дерево треснуло с сухим звуком. Птицы улетели. Морис отодрал разломанную доску, скинул внутренний крючок, появилось окно. Кончиками пальцев он протер стекло и тотчас же отпрянул.

— Не подходи, — прошептал он.

Сесиль не боялась вида смерти. Она прижалась лбом к оконному стеклу и увидела висельника. Вот уже несколько дней, как он висел здесь, бесконечно жалкий, словно какие-то лохмотья, на гвозде. Морис отстранил Сесиль и выбил стекло. Он открыл окно и запрыгнул в комнату.

— Не стой здесь, — сказал он, подняв глаза к лицу, искаженному конвульсиями. — Ты мне не сможешь помочь.

— На столе какая-то бумага, — сказала Сесиль дрожащим голосом.

Морис взял ее и медленно прочитал:

«Я обречен. Я это знаю с позавчера. Рак крови. Несколько месяцев мучений и деградации. Лучше покончить с этим сразу и немедленно.

19 сентября. Три часа утра.

Жюльен Меденак».

Сесиль смотрела на черный силуэт, перевернутый стул, скрюченные руки с необычайно желтыми ногтями.

— Мне от всего сердца жаль его, — прошептала она.

— Да, бедный старина Жюльен! — сказал Морис. — Мы с ним редко виделись, но я потрясен. Понимаю, почему он уволил прислугу, почему так настаивал, чтобы мы отправились как можно скорее. Он хотел умереть у себя. А я ни о чем не догадывался... Я думал, что он где-то там, в Италии или Испании.

Он положил записку обратно на стол рядом с ручкой дяди, открыл дверь и увлек за собой Сесиль.

— Сейчас спущусь в поселок предупредить полицию... надо также послать телеграмму Франсису де Форланжу... Это же он наследует все имущество... Мне вроде помнится, он живет в Ницце... Другие Форланжи не во Франции, причем они все перессорились с Жюльеном... Сожалею, что привез тебя... Но я и подумать не мог...

Они вернулись к замку, и Сесиль села в машину, куда Морис бегом поднялся на крыльцо. Вскоре он присоединился к ней.

— Я нашел книжку с адресами в кабинете, — сказал он. — Это точно Ницца: бульвар Виктора Гюго, 24-бис. Жюльен когда-то говорил мне об этом Франсисе... Он ему симпатизировал. Еще один чудака. Немного богемного склада, большой любитель лошадей, холостяк, живущий в отелях то там, то тут... мне кажется даже, что я его встречал как-то очень давно.

Он тронулся, и пес, запертый на кухне, завыл.

— Он думает, что я его бросаю, — сказала Сесиль.

— Не собираешься же ты брать его с собой!

— Ну... да. Это, безусловно, то, чего хотел твой дядя.

— Да... ладно, еще поговорим.

Они замолчали, чувствуя, что скандал неизбежен. По тому, как Морис хлопнул дверцей, когда остановился перед жандармерией, Сесиль поняла, что он не сложит оружия. Но она решилась на этот раз выстоять. Затем они прошли на почту, откуда Морис отослал телеграмму, потом к нотариусу. И все время одна и та же мысль, как наваждение, преследовала Сесиль: пес знал... Но знал что?.. Даже если он и видел, как его хозяин берет в каретном сарае веревку, он не понял бы, для чего эта веревка будет служить... Нет, Шарик увидел что-то другое. Может быть, он присутствовал при самой сцене? Может быть, дядя покончил жизнь самоубийством в каретном сарае?.. Но кто тогда перетащил бы труп? Зачем тогда прятать его во флигеле?.. А что, если дядю убили? Что, если Шарик видел убийцу?.. Нет, невозможно! По одной простой причине: в ту ночь, когда дядя умер, она заперла Шарика в конуре.

Очень короткое расследование убедило Сесиль, что она ошибалась. Письмо написано точно рукой дяди Жюльена. Весьма характерный почерк совпадал с тем, что фигурировал в бумагах, найденных в кабинете и переданных на экспертизу. Вскрытие подтвердило, что несчастный был поражен раком, который разрастался с устрашающей скоростью. Следовательно, самоубийство, явное, неоспоримое. Сесиль это не убедило.

В течение двух дней она бродила без дела по парку и вокруг каретного сарая. Существовала какая-то тайна... и тайна, касавшаяся именно кареты, так как, хорошенько понаблюдав за поведением пса, она поняла, что Шарик впадал в истерику, как только она протягивала руку к старинному экипажу. Шарик впадал в ярость не тогда, когда она входила в сарай, а тогда, когда она приближалась к карете. Это выглядело настолько глупо, что она начинала дрожать от ужаса. Но, в конце концов, между каретой и собакой она не находила ничего общего, ни малейшей связи. А между тем, как только она брала в свои ладони озабоченную морду Шарика, всматривалась в золотистые, пронизательные и еще более отчаявшиеся, чем у человека, глаза, ситуация подсказывала ей, что эти глаза хотели поведать ей что-то и то, что они видели, она тоже может увидеть. Но перед ней представляла

лишь карета, сто лет как отданная на откуп паукам да пыли.

В замок явился нотариус в сопровождении клерка. Он пришел сверить инвентарный список имущества, и Морис попросил Сесиль проводить его.

— Это отвратительно, — сказала Сесиль. — Дядя Жюльен не был вором.

— Это законно, — сухо поправил мэтр Пекё. — Господин Жюльен Меденак был всего лишь временным владельцем. Мэтр Фаже, мой предшественник, возможно, решил бы с этим по-другому. Я же обосновался здесь совсем недавно. И должен вести дела как положено. У нас в сельской местности быстро начинают судачить.

И началось длительное хождение из комнаты в комнату.

— Один буфет эпохи Ренессанса... есть... Два кресла времен Людовика Шестнадцатого... есть...

Это было зловеще и изматывающе. Сесиль легла спать не ужиная и встала с мигренью. В девять часов возле крыльца остановилась машина модели «Дофин». Это возвращались нотариус и его клерк.

— Ты ими займись, — сказал Морис. — Я сделаю бросок до поселка, а потом тебя подменю.

Он уже открывал дверцу своей машины, когда из аллеи на полном ходу выехала машина серого цвета.

— Франсис! — воскликнул Морис.

Автомобиль, весь в пыли, затормозил перед ступеньками. Оттуда вышел мужчина лет пятидесяти, очень изящный, юношеской походкой направился к Морису с протянутой рукой.

— Спасибо, что телеграфировал мне. Бедный Жюльен!.. Я сокрушен. Я очень уважал его.

— Проходите... Мэтр Пекё и его помощник...

Франсис раскланялся. У него было красивое лицо с резким профилем, ярко-голубыми глазами и безупречными манерами.

— Он в своей спальне? — спросил он.

— Нет, — сказал Морис. — Его отвезли в поселок. Он покончил жизнь самоубийством.

— Ах вот как! Жюльен... Такой жизнелюб!

— У него оказался рак крови, — уточнил Морис. — Это объясняет его поступок.

— Боюсь, мадам, — продолжил Франсис, — вы можете унести из этого дома весьма дурные воспоминания... Но теперь вы мои гости. Сейчас отдыхайте и оставьте на меня тяжкие хлопоты.

— О! Все закончено, — сказал Морис. — Похороны состоятся завтра.

Как только Франсис поставил ногу на первую ступеньку крыльца, послышалось рычание, заставившее обернуться мэтра Пекё и его клерка. Сесиль кинулась вперед.

— Это Шарик... Он не злой.

Собака находилась на верху лестницы. Она неожиданно попяtilась, как будто пытаясь прыгнуть, и из ее груди исторглось глухое, продолжительное рычание, похожее на хрип.

— Взбрело ему в голову! — сказал Морис. — Жену мою обожает. А меня терпеть не может... Ты крепко его держишь?

— Да, — сказала Сесиль. — Сейчас уведу. Так будет более предусмотрительно.

Она потянула собаку на другой край крыльца.

— Красивый зверь, — заметил Франсис невозмутимо. — Надеюсь, через несколько дней мы станем хорошими друзьями.

В чем он сильно ошибался.

Прошла неделя. Состоялась кремация, печальное погребение без священника, так как духовенство оставалось непреклонным; без кортежа, так как жители поселка так и не отступились от своего. Сесиль, расстроенная, хотела тотчас же вернуться в Париж. Франсис удержал ее лишь своей любезностью. Никогда она не встречала мужчины более соблазнительного, более обаятельного, более деликатного. Он вел себя как безупречный хозяин дома, полный предупредительности, простой, как подобает знатному синьору. Сесиль была ослеплена. Она делала невозможное, чтобы смягчить скверный нрав собаки. Лучшим способом оставались совместные прогулки. Когда она выходила вместе с Франсисом, собака соглашалась их сопровождать. Но держалась от Франсиса на значительном расстоянии... Она держалась от Франсиса на таком же расстоянии, что и от каретного сарая. Как если бы Франсис внушал ей те же чувства. Франсис ничего не замечал. Он мило болтал, говорил о своем дет-

стве, о чудесных каникулах, которые он проводил в замке. Иногда он смеялся как ребенок, держа Сесиль за руку. Пес следил за ними на расстоянии десяти метров и держался все время с той стороны, где оказывалась его хозяйка.

— Но вы выходили же иногда за пределы владений? — спрашивала Сесиль.

— Нет. Жил как дикарь. Залезал на деревья, чтобы читать приключенческие романы... В глубине парка строил себе шалаши.

— А по воскресеньям вы ездили в Леже все вместе в карете?

— В карете?... Какая странная мысль!

— Вы не пользовались каретой?

— Но карета — это музейный экспонат. Ею очень давно пользовалась герцогиня де Бери, с тех пор она все время оставалась здесь.

Новый предмет для размышлений. Герцогиня де Бери! «Этот пес меня с ума сведет», — подумала Сесиль. И чтобы забыть свои муки, она разрешила Франсису поухаживать за собой. Морис же тоже был в замке и красноречиво показывал это.

Однажды вечером за десертом Франсис сказал им:

— Если я найду покупателя, то продам это поместье. Я привык жить кочуя, и этот замок, скорее всего, будет связывать мне руки. Не могли бы вы доставить мне удовольствие?... Возьмите то, что вам нравится... Мебель... Ковры... Вы меня этим обяжете.

Сесиль поняла, что ее муж сейчас поддастся соблазну и унизит их обоих. Она опередила его.

— Спасибо, — сказала она. — Морис хочет фонари от старой кареты... Отдайте их ему.

Франсис не скрыл своего удивления, но ограничился тем, что поднес руку Сесиль к своим губам.

— Вы прелестны, Сесиль... Так что я останусь вашим должником... Доставьте мне такое удовольствие.

Как раз в этот-то вечер Морис и решил покинуть замок.

— Хватит с меня, — сказал он своей жене, как только они очутились в своей спальне. — Честное слово, он заигрывает с тобой. А ты так любишь его! Подпала под чары. Сразу видно, что ты его не знаешь! Но посмотри на него. Он же бабник. Это бросается в глаза.

- Не будешь же ты упрекать меня в том...
- Я ни в чем тебя не упрекаю. Пока нет!.. Я говорю, что уезжаем, вот и все. Уезжаем завтра.
- Это будет выглядеть невежливо.
- Хорошо, послезавтра. Я найду какую-нибудь причину.
- Я увожу собаку.
- Собака останется здесь.
- Собака поедет со мной.
- Тогда я вернусь один.

И Морис пошел спать в комнату для гостей. На следующий день Сесиль поднялась рано, совершенно без сил после плохо проведенной ночи. Она отправилась вместе с собакой в дальнюю прогулку. Что делать? Никогда бы она не оставила Шарика. Но когда Морис закидывался, то становился настолько мелочным, что шел до конца, чтобы отстоять свое абсурдное решение. Если бы по крайней мере она была уверена, абсолютно уверена, что больше не любит его! Конечно, она ненавидела все больше и больше его манеры, отсутствие такта, его тщеславие. Но в глубине самой себя... Что это означает «глубина самой себя»? Не там ли окопалось малодушие?

Собака шарила по кустам, мельком убеждалась, что Сесиль двигалась сзади, Сесиль шла медленно. Через несколько часов она сделает выбор, и она еще не знала, что эта будущая Сесиль, эта незнакомая Сесиль решит. Она повстречалась с почтальоном, который поприветствовал ее, потом вернулся назад.

— У меня кое-что есть для господина Меденака, — сказал он.

— Давайте.

Это оказалась телеграмма. Крупным почерком поперек бланка было начертано: «Убыл, не оставив адреса». Адрес так и заплескал перед глазами Сесиль: «Ницца, бульвар Виктора Гюго, 24-бис, Франсису де Форланжу».

Она не понимала. Она пока не хотела понимать. А между тем внутри себя она слышала, как какой-то голос шептал: «Это же ясно! Франсис никогда не получал этой телеграммы... Когда он благодарил Мориса, он лгал... Он лгал... Он приехал без предупреждения... Он уже знал...»

Сесиль прислонилась к стволу бука. Голова у нее шла кругом. Она забыла, что только что предчувствовала. Что же Франсис уже знал?.. О чем он заранее условился с

Морисом?.. Нет! Только не Франсис!.. Он был не способен на низость. Морис — тот да. Но не Франсис!

Она вернулась в парк. Со всей очевидностью она заболела. У крыльца спорили Морис и Франсис.

— Нет, не настаивайте, — сказал Морис, направившись в сторону флигеля.

— Сесиль! — воскликнул Франсис. — Вы на самом деле хотите уехать?.. Вам здесь не нравится?

Он улыбался, подразумевалась тысяча нежных слов, а Сесиль медленно комкала на дне своего кармана телеграмму, напрягая всю свою волю, чтобы сдержать слезы. Так это правда? Потихоньку она стала любить его... потому что он казался внимательным, откровенным, потому что так сильно отличался от Мориса, а вот теперь...

— Ну посмотрите на меня, Сесиль.

Она опустила голову и побежала к своему мужу. Пес прыгал перед ней, думая, что она хочет поиграть.

— Сесиль!

Она предчувствовала нечто жуткое. Голос Франсиса наводил на нее ужас. Она остановилась, запыхавшись. Морис мыл свою машину возле конюшен. Он выпрямился, в руке у него была губка, с которой струилась вода.

— Мне жаль, — сказал он. — Вчера вечером я был немного резок... Если ты так уж держишься за эту собаку...

Сесиль протянула ему телеграмму.

— Что это такое?

— Прочти.

Он уже читал. Он бросил губку в ведро, вытер руки своим платком.

— Тем хуже, — сказал он наконец. — Я об этом не подумал.

— Не объяснишь ли мне?

— Прежде всего прошу тебя не говорить со мной в таком тоне. В принципе, видишь ли, это не по злобе... Если я и скрыл от тебя правду, так по просьбе Жюльена. Я же хотел поставить тебя в известность. Это он не хотел ничего знать.

Волкодав, сидя возле автомобиля, посматривал на Мориса. Тот повлек Сесиль в сторону каретного сарая, как если бы опасался быть услышанным животным.

— Встань на место Жюльена, — продолжил он. — Вот человек, который живет, как пария, в замке, пред-

ставляющем собой миллионы и миллионы, и который не может обосноваться в другом месте, потому что у него нет денег.

— Нет денег!

— Вот именно! Рента не так уж велика. Едва хватает, чтобы позволить себе время от времени какое-нибудь небольшое путешествие... Так что ты понимаешь, что, в конце концов, он стал свирепеть... У него лишь одна мысль — уехать... осесть за границей, где-нибудь очень далеко...

— Но... Франсис?

— Что Франсис?

— Почему он приехал так быстро?

Морис начал набивать трубку, чтобы скрыть смущение.

— Возможно, мне лучше бы промолчать, — продолжил он. — Вижу, ты ничего не поняла. Франсис де Форланж умер... Да, настоящий Франсис — это тот, что повесился. Он вполне мог бы покончить с собой и в Ницце, так как уже давно он знал, что приговорен. Но нет, умереть он захотел здесь. Не спрашивай меня почему. По словам Жюльена, это был несчастный малый, который всю свою жизнь с тоской вспоминал о своем детстве. В замке он провел свои ранние годы, похоже, что единственно радостные. Я излагаю тебе все это кратко, в общих чертах... Короче, Жюльен увидел всю выгоду, которую он мог извлечь из этой смерти при условии действовать быстро. В поселке практически не знали ни того ни другого, а старый нотариус графини передал свои полномочия. Агерезы уже давно желали вернуться к себе в Испанию. Жюльену оставалось лишь их уволить... Что до удостоверений личности, так за годы оккупации он не раз их подделывал. Никаких проблем... Что ему еще было нужно?

— Соучастника, — сказала Сесиль, — тебя.

— Нет. Чистосердечного свидетеля — тебя.

— Вы оба отвратительны мне, — сказала Сесиль.

— Умоляю тебя. Попробуй понять. По сути, Жюльен забрал себе наследство, которое по праву отходило к нему. Ведь он был мужем, разве нет?

— Дальше?

— Дальше Жюльен переписал письмецо, оставленное Франсисом, в котором изменил только дату. Потом приехал поставить меня в известность. Я ему за-

должал за машину. Мне было трудно отказать. Моя роль ограничивалась столь малым! Узнать мертвого... Узнать живого... И даже еще меньше: просто-напросто промолчать. А ты одним только своим присутствием вносила самую твердую уверенность. Кто бы мог подумать, что ты не знакома ни с Жюльеном, ни с Франсисом?.. Наконец, ты стала свидетелем возвращения нашего дяди на автомобиле в ту же ночь, как мы приехали... Знаю, мы не правы, что обманывали тебя таким образом. Признаюсь, что это достаточно скверно... Но у нас не оставалось выбора.

— А если бы я спала?.. Если бы не слышала, как возвращается автомобиль?

— Я-то не спал. Я бы тебя разбудил.

— Но твой дядя, раз уж вернулся сюда?..

— Так вот он протолкал до дороги маленькую спортивную машину, в которой приехал его кузен, и уехал на ней.

— Вы действительно все предусмотрели.

— По-моему, да, — убежденно сказал Морис.

— Это тебя забавляло?

— Да, немного. Мы отсчитали необходимый срок, прежде чем я обнаружу тело во флигеле. Есть какой-то момент, когда день смерти не может быть уже установлен с точностью. Потом я дал телеграмму, чтобы окончательно провести тебя, так как дата приезда «кузена Франсиса» также была определена.

Каждое слово Мориса обнаруживало новую ложь, новый обман. Сесиль даже не возмутилась. У нее, напротив, было впечатление, что она на пути к освобождению. Морис являлся не более чем вот этим мелким, инфантильным человеком.

— Ты знаешь все, — сказал он.

Она повернулась к нему спиной, увидела собаку, вновь посмотрела на мужа.

— Как получилось, — сказала она, — что она не узнала своего хозяина? Меня-то вы легко обманули. Но ее?

Морис колебался.

— Теперь, — сказала Сесиль, — я могу слышать все.

— Это тоже, — тихо сказал Морис, — это было необходимо. С одной стороны, Жюльен нуждался в нашем свидетельстве. Но, с другой стороны, он также нуждался в свидетельстве собаки, чтобы все вполне могли отметить,

что мужчина, приехавший из Ниццы, был для собаки чужим... Это было даже главным для него... Тогда...

— Догадываюсь, — сказала Сесиль ледяным тоном.

— Да... Ему пришлось избить ее... в каретном сарае... кнутом из кареты... до тех пор, пока Шарик не мог уже больше его видеть без того, чтобы не впасть в страх.

— Карета... кнут... да, я теперь понимаю... я понимаю все... Это чудовишно!.. Я предпочла бы, чтобы он убил своего кузена.

— Обрати внимание, что...

— Замолчи... Вы подлецы, оба... А он еще больше, чем ты.

Приближались чьи-то шаги. Это был Жюльен.

— Я только что подумал, — сказал он, — что вы забудете основное.

Улыбка светилась в его голубых глазах, искавших взгляда Сесиль. Никогда не казался он более благодушным, старающимся понравиться. А Морис отвернулся, будучи не в духе, роясь в своем кисете.

— Вы просили у меня фонари. Заберите их. Я настаиваю на этом!

Он толкнул ворота каретного сарая, быстрым шагом приблизился к старинной карете, протянул руку к сиденью, дотронулся до кнута.

— Шарик! — приказала Сесиль.

Морис, раскуривавший трубку, поднял глаза, услышав шум падения. Все было закончено еще до того, как спичка обожгла ему пальцы. Шарик кинулся на горло своему хозяину. Жюльен лежал распростертым на спине. С рычанием дикого хищника пес терзал его, и голова трупа болталась из стороны в сторону, словно тряпичный ком. Наконец Шарик поднял морду, испачканную в крови. Сесиль удалялась. В несколько прыжков он догнал ее и смиренно засеменил рядом с ней. Дойдя до ворот, Сесиль вышла на дорогу. Шарик закрутился вокруг нее, лая от радости.

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь вдребезги. Роман

Перевод с французского А. Райской 7

Голубой экспресс делает 13 остановок. Сборник рассказов

Перевод с французского Л. Корнеевой 157

Хитросплетения. Сборник рассказов

Перевод с французского А. Валетова 293

Буало-Нарссжак

Б90 Полное собрание сочинений. Т. 6: Роман и рассказы. — Пер. с фр. — М.: Центрполиграф, 1996. — 569 с.

ISBN 5-218-00085-X (Т. 6)

ISBN 5-218-00006-X

В шестом томе Полного собрания сочинений Буало-Нарсжежака мы впервые знакомимся с их рассказами. Признанные романисты и в жанре короткого рассказа проявляют себя настоящими мастерами.

Быть может, ограниченное пространство новеллы и мешает свойственному им психологизму, зато в построении интриги и неожиданного финала «на пяточке» рассказа авторы явно выигрывают.

Пессимистическое восприятие современного мира сталкивается в представленных сборниках рассказов с необычайно жизнеутверждающим отношением к людям, населяющим эту зловещую действительность.

Читатели, которые познакомятся с шестым томом Полного собрания сочинений Буало-Нарсжежака, безусловно придут к выводу, что целостное представление об их творчестве невозможно без новеллистики.

ББК 84.4 Фр

Литературно-художественное издание

**ПЬЕР БУАЛО,
ТОМА НАРСЕЖАК**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 6

Редактор *В.Н. Новицкова*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *В.Ф. Нефедова*

Корректор *М.В. Макарова*

ЛР № 070243 от 21.11.91 г.

**Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.05.96.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 32,81.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 1214**

**Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18**

**АООТ «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97**

БУАЛО-НАРСЕЖАК

сежак, чьи книги буквально взорвали изнутри традиционный детектив, открыли новую страницу в истории жанра. Вместо привычной «игры ума» для разгадки преступления, соавторы показывают трепетную живую жизнь, раскрывают внутренний мир своих персонажей, очеловечивают повествование. Они вводят в детективный жанр несвойственный ему прежде психологический анализ, который органично переплетается с увлекательным сюжетом. По сути дела они создали новый тип литературного произведения — детективно-психологический роман, где психология помогает раскрыть тайну преступления, а детективный сюжет углубляет и обостряет изображение душевного состояния человека, находящегося в экстремальной кризисной ситуации.

Буало и Нарсежак очень скоро получили всемирное признание. Они опубликовали с 1952 по 1995 год свыше сорока романов. Почти все их произведения переведены на многие языки мира и опубликованы огромными тиражами. Их часто экранизируют в кино и на телевидении.

Буало и Нарсежак заняли достойное место в ряду классиков детективной литературы, таких как Конан Дойл, Агата Кристи и Жорж Сименон.

Буало и Нарсежак, дополняя друг друга, выработали совершенно оригинальную и хорошо отработанную манеру письма, о чем можно судить хотя бы по тому, что и после смерти Пьера Буало в 1989 году его соавтор продолжает подписывать свои произведения двойной фамилией, ставшей известной во всем мире.

ЦЕНТРОЛИГРАФ